

РАТУ ЖИВОТОВСКАЯ — АМЕРИКАНСКАЯ МОДЕЛЬ К.А. СОМОВА

Творчество русских художников конца XIX — первой половины XX века нельзя считать изученным, пока невыявленным и неисследованным остается значительное число произведений, документов и литературных материалов, связанных с их деятельностью. В наибольшей степени это относится к периоду жизни художников в условиях эмиграции.

Об эмигрантском периоде Константина Андреевича Сомова (1869–1939) сегодня можно судить как по его произведениям, находящимся в российских и зарубежных собраниях¹, так и по различного рода изданиям — книгам, иллюстрированным самим художником, альбомам, статьям, каталогам, посвященным его творчеству, дневникам и воспоминаниям современников и, конечно же, по изданной в 1979 году книге, включающей откомментированные письма мастера, адресованные в Петроград–Ленинград его младшей сестре, Анне Андреевне Михайловой². Между тем художественные и документальные материалы, связанные с именем Сомова-эмигранта, все еще требуют поисковой работы и всестороннего анализа; без чего не может быть речи об объективном изучении и осмыслении последних пятнадцати лет творческой жизни художника.

В начале 1990-х годов в Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) поступило около тридцати писем Константина Андреевича Сомова 1925–1938 годов, адресованных Клеопатре Матвеевне Животовской³. Передала их американская писательница Алла Кторовна. Два письма тогда же она опубликовала в журнале «Художник»⁴, семь писем напечатала в «Новом журнале» сотрудник Пушкинского Дома Татьяна Царькова⁵. В 2004 году автором настоящей статьи весь блок писем Сомова к Животовской был откомментирован и вместе с Царьковой подготовлен к изданию в очередном томе «Ежегодника Рукописного отдела Пушкинского Дома»⁶. Обширные комментарии включали сведения из не публиковавшихся ранее фрагментов дневников Сомова и его писем сестре, воспоминаний современников художника и других источников.

Важной особенностью писем Сомова к Животовской является то, что восемь из них датированы 1936–1938 годами: об этом периоде в жизни художника известно крайне мало. В письмах также содержатся новые сведения о пребывании Константина Андреевича в Америке и Франции, полнее раскрываются его характер, интересы, отношение к искусству, творчеству и окружавшим его людям. Проясняется и личность Клеопатры Матвеевны — корреспондента писем художника и его американской модели.

Raty, Patti, Пати, Патти, «миленькая Ratu» называл ее в письмах Константин Андреевич. Пятидесятипятiletний Сомов и тридцатiletняя Ratu познакомились в 1924 году в Нью-Йорке, где Клеопатра Матвеевна проживала с семьей —

мужем⁷ и маленькой дочкой⁸, а Константин Андреевич находился в командировке в качестве петроградского представителя масштабной выставки русского искусства⁹. Они познакомились в среде русских эмигрантов — американских родственников художника, супругов Евгения Ивановича и Елены Константиновны Сомовых и матери Евгения Ивановича, Ольги Лавровны. Рату была близкой подругой Елены Константиновны. В круг их общения входила также семья композитора и пианиста Сергея Васильевича Рахманинова, барон Лев Александрович Нольде, другие бывшие соотечественники. В 1924 году Евгений Иванович Сомов оказал неоценимую помощь своему родственнику и его коллегам из Советской России в организации и проведении выставки русского искусства в Америке. Без него, по словам Константина Андреевича, «ничего бы не вышло»¹⁰. Участвовала в популяризации этой выставки и жена Евгения Ивановича Елена Константиновна, которая вместе с Рату занималась распространением каталогов на вернисаже.

В Америке Константин Андреевич находился больше года: с января 1924 по май 1925 за исключением трех летних месяцев 1924 года, которые провел в Париже. Окончательно покидая Новый Свет, он отправился не в СССР, а во Францию, где и прошли последние четырнадцать лет его жизни — с июня 1925 по май 1939 года.

Почти весь этот период Константин Андреевич и Клеопатра Матвеевна переписывались. Рату писала из Америки — сначала из Нью-Йорка, потом из Вашингтона. Летом 1926-го они встретились в Париже, куда семья Животовских приезжала, путешествуя по Франции¹¹. По приглашению Сомова Животовские побывали в Нормандии, в деревне Гранвилье, где жил в то время художник¹² и где находился портрет Клеопатры Матвеевны, написанный им в Нью-Йорке в феврале 1925 года. Сомов исполнил его маслом на холсте за восемь сеансов, «считая сеанс в 3 часа»¹³: начал 9-го и завершил 16 февраля 1925 года. В письме сестре Константин Андреевич так отозвался о портрете: «не очень похож, но как первая проба скорописи не так уж плох. Всем он очень нравится, в особенности американкам»¹⁴.

Художник изобразил Клеопатру Матвеевну в натуральную величину. «Этот портрет четырехугольный, по пояс, — писал он сестре. — Сидит она в черном суконном платье с красно-карминным тоже суконным воротником и такими же отворотами на рукавах. — Руки в черных шведских перчатках, на одном плече красно-рыжая с серыми разводами шаль. На голове черный бархатный трикорн. Лицо вышло и похоже, и непохоже. Дама улыбается, лицо бледное, и сильно покрашен рот»¹⁵.

Клеопатра Матвеевна осталась «очень довольна» портретом и в качестве «вознаграждения» подарила автору «букет прелестных роз, банку пьяных вишен и...!! ливерной колбасы к завтраку». «Она знает, что эту колбасу я очень люблю»¹⁶, — шутливо заметил Сомов.

Поскольку портрет создавался не под заказ, автор оставил его себе. К тому времени у Рату уже был ее маленький портрет работы Сомова — «в крохотной стоячей зол<оченой> рамочке»¹⁷. Вместе с поздравительным стихотворением художник вручил его своей модели к Новому, 1925 году. Возможно, этот дар и подсказал ему идею написания большого портрета.

Портрет К.М. Животовской вместе с портретом Е.К. Сомовой, написанным в июне 1924 года¹⁸, художник привез во Францию и повесил в своей комнате в Гранвилье. «Теперь моя комната сделалась жилая»¹⁹, — писал он сестре, а Клеопатре Матвеевне, желая польстить, сообщал: «Ваш портрет всем, кто его видел, очень понравился, моя подруга Генриетта²⁰ (не ревнуйте!) очень одобрила и живопись, и особу, и костюм»²¹.

Спустя полгода, вспоминая эпизоды, относящиеся ко времени пребывания в Америке, Сомов писал Животовской: «Ваш портрет — которому, увы, так далеко до Вашей прелести, — висит в комнате нашего маленького коттеджа, и я могу каждый день мысленно беседовать с Вами и воображать, глядя на него, множество приятных вещей: наши прогулки в лес и горы, венки из цветов и листьев, Ваш звонкий и сердечный смех, который я очень люблю; розы, преподнесенные Вами с такой щедростью; наши интимные ланчи в Вашей квартире на 83 улице и (простите, я — не обжора и не хищник, но даже и еда в восхитительном обществе имеет свой шарм и поэзию) яичницу-болтунью, сделанную Вашими руками, ливерную колбасу и кофе Вашего приготовления!»²²

В январе 1926 года репродуцированные портреты К.М. Животовской (под названием «Givotovsci») и Е.К. Сомовой появились на страницах журнала «Kunst und Künstler»²³. Тогда же художник перевез обе картины в Париж и разместил их в квартире Гиршманов, у которых постоянно останавливался, пока в конце 1927 года не приобрел в Париже собственное жилье. 3 марта 1926 года он писал Клеопатре Матвеевне: «Ваш портрет, дорогой друг, здесь, в Париже, имеет большой успех. Я не понимаю, как это произошло! Не меньший, чем Елены. Его находят живым, элегантным и хорошо написанным, говорят, что и сама дама привлекательна»²⁴. Заметим, что «Портрет Е.К. Сомовой» автор ценил особенно высоко. «Это, действительно, мой лучший портрет, — писал он сестре 9 апреля 1925 года. — Я его не считаю шедевром, — но по сравнению со всеми отвратными моими дамскими портретами (исключая, может быть, Остроумовой) он хорош»²⁵.

В 1928 году портрет К.М. Животовской под названием «Дама в черных перчатках» в числе тридцати других своих произведений Сомов отправил в Брюссель на Международную выставку²⁶, в состав которой входила экспозиция «старого и нового русского искусства», включавшая произведения от икон до работ современных художников. Несколько художников, а именно К.А. Сомов, А.Н. Бенуа, М.В. Добужинский и И.Я. Билибин, были приглашены на вернисаж. В ходе работы выставки было продано немало работ, в том числе две картины и пять миниатюр Сомова. 8 июня 1928 года художник писал Рату: «Как вижу, Вам рассказали о нашем успехе в Брюсселе. Он, действительно, был, и к тому же достаточно большим как в моральном, так и в коммерческом отношении. Будучи причастен к нему, я поправил свое финансовое положение, которое оставалось отнюдь не блестящим в течение всей зимы. Между прочим: Ваша картина «*Dame aux gant noirs*» («Дама в черных перчатках». — *франц.*) также там выставлялась. Надеюсь, что Вы ничего не имеете против этого? Она имела много хороших отзывов и понравилась»²⁷. Со временем, однако, автор изменил свое мнение об этом портрете.

Спустя девять лет, в письме Клеопатре Матвеевне от 21 марта 1937 года, отвечая на ее вопрос, где находится портрет, художник сообщил, что продал его, но новый владелец портрета застрелился. «<...> дурного признака для Вас тут я не нахожу, — утешал Рату Сомов, — до сих пор не знаю, к кому он попал, мне надо встретить то лицо, которое может об этом знать. Но даже если бы Вы сделали долларной миллионершей, я бы не советовал Вам его покупать — так как я считаю его неудачным, непоэтичным — я даже продал его потому — удивительно, что нашелся на него охотник, впрочем, он в живописи ничего не понимал — я не подарил его Вам, как было бы, если б я был им доволен. Не надо Вам его и разыскивать!»²⁸

И все же хотелось бы найти этот портрет, с которым связан важный период жизни и творчества художника.

Так кем же была Рату Животовская?

Точными биографическими сведениями мы не располагаем. Из писем Сомова сестре известно, что Клеопатра Матвеевна носила фамилию мужа, Виктора Тимофеевича Животовского. Какова ее девичья фамилия, откуда она родом и какого происхождения, где жила в дореволюционной России и когда оказалась в эмиграции, установить не удалось. Дату рождения Клеопатры Матвеевны можно вычислить лишь предположительно, опираясь на письма Сомова. Получается, что это 1 ноября 1894 или 1896 года. Умерла Животовская, по сведениям Аллы Кторовой, в 1980 году «в городе Санкт-Петербурге, штат Флорида, в США, где она жила в последние годы своей жизни»²⁹.

Первое упоминание о семье Животовских содержится в письме Константина Андреевича сестре от 2 октября 1924 года. Художник с восхищением описывает дачу, которую снимали американские Сомовы в Хайлендах, близ Нью-Джерси, «в чудной местности на берегу океана»³⁰. «Кроме семьи Жени живут с ними молодые супруги Животовские с девочкой 5 лет и один господин, уродливого вида, страшно милый и невероятный Дон Жуан — у него три жены <...>. Зовут его Афоня, и он любимец Ольги Л<авровны>»³¹. Неподалеку от этого места служила «ботаничкой (по грибам)» сестра Рахманиновых С.А. Сатина, «очаровательная особа лет 45»³², а рядом, в Локуст Пойнт, находилась дача Рахманиновых.

В начале ноября художник вновь пишет сестре о Рату, не называя ее имени: «Вчера был на рождении одной молодой дамы, с которой я много гулял в Highlands'ax. Она со мной флиртует и говорит, в меня влюблена. Я шуточно за ней ухаживаю и говорю ласковые дерзости. Она *bonne enfant* (хороший ребенок. — *франц.*), богемна и очень мила»³³.

Через три месяца, 28 января 1925 года, Сомов сообщает сестре, что Клеопатра Матвеевна в компании с Еленой Константиновной и Евгением Ивановичем приезжала к нему на «смотрины» только что законченного портрета младшей дочери Рахманинова Татьяны Сергеевны³⁴. Вероятно, тогда-то и был определен день первого позирования Животовской, а 17 февраля работа над ее портретом уже была завершена. Художник так охарактеризовал свою модель: «<...> эта „дамочка“ прелестный человек, простой, веселый, не глупый, хотя малокультурная и в высшей степени *bonne enfant* и *bonne camarade* (хороший ребенок и хороший товарищ. — *франц.*). <...> Зовут ее Патти, уменьшительным от Клеопатры. <...> Она светлая блондинка с бледным лицом. Женья (Е.И. Сомов. — Е.Я.) находит, что она похожа на обезьянку, и дразнит ее, что у нее нос грушей»³⁵.

Основным связующим звеном между Константином Андреевичем и Клеопатрой Матвеевной являлись, конечно же, американские родственники художника. Личность Евгения Ивановича Сомова (1881–1962) и его деятельность в эмиграции заслуживают отдельного исследования. Инженер по образованию, он в 1922–1939 годах работал секретарем и помощником С.В. Рахманинова, а с 1939 года — М.А. Чехова, состоял членом Комитета русской секции Американского Красного Креста, возглавляемого композитором. Евгений Иванович и его жена дружили с семьями Рахманиновых и Чеховых. С огромной симпатией относился к ним Константин Андреевич: «Евгений Иванович само совершенство — лучше человека себе нельзя и представить, — писал он. — Большого альтруизма я ни у кого не встречал <...>. Он очень спокойный,

малоразговорчивый, но очень уютный, обожает жену»³⁶. С неизменной симпатией Константин Андреевич отзывался и о Елене Константиновне: «Она очень живая, культурная, всем интересуется»³⁷. Чем больше узнавал ее, тем больше ценил: «Она очень благородна и умна. Весела, имеет долю легкомыслия, все понимает»³⁸. «Женщиной без недостатков» называл Елену Константиновну Сомов. Она вызвала у него чувство восхищения: «всегда приветлива, весела, любит гулять и кататься, чудная хозяйка без всякого шума, много читала, любит и понимает все искусство, обожает говорить о любви и приятно сплетничает. Очень тактична и деликатна»³⁹.

Семья Рахманиновых в те годы, помимо главы, Сергея Васильевича, и его жены, Натальи Александровны, включала двух дочерей — Ирину и Татьяну и мужа старшей дочери, начинающего художника, светлейшего князя Петра Волконского. Вместе они проводили время, вместе же — Рахманиновы и Константин Андреевич — в мае 1925 года отправились на пароходе «New Amsterdam» в Европу, а по прибытии во Францию, с 31 июля по 17 августа, художник гостил у «счастливого семейства» на даче в Орсе, в замке Корбевиль, где 12 августа неожиданно и скоропостижно скончался от кровоизлияния в мозг двадцативосьмилетний зять Рахманиновых.

Во Франции Сомов исполнил несколько портретов композитора, в том числе — знаменитый портрет по заказу фабрики Стейнвей, написал несколько портретов Татьяны, младшей дочери Рахманиновых, с которой (в отличие от старшей, Ирины) у него сложились добрые дружеские отношения. Обо всем этом и многом другом, связанном с этой семьей, Сомов писал Клеопатре Матвеевне. На протяжении четырнадцати лет он рассказывал ей о своей жизни в Гранвилле, в Париже, о своих новых работах, о пребывании на виллах Рахманиновых и «парижских» баронов Нольде, о лондонском друге — коллекционере Михаиле Васильевиче Брайкевиче, об общих знакомых, об утрате горячо любимого друга Мефодия Георгиевича Лукьянова и о своих старческих болезнях...

Raty Животовская не сыграла в жизни Константина Андреевича Сомова значительной роли. С момента знакомства он считал ее простоватой и «малокультурной», то есть недостаточно образованной. Между тем с каждым годом Ratu становилась ему ближе и ближе. Она все больше располагала к себе, покоря сердце художника добротой и вниманием. Судя по письмам, Сомов так привязался к ней, что к концу жизни воспринимал ее как своего верного друга. Одно из последних писем завершалось словами: «<...> моя дорогая Ratu! Надеюсь, что Вам захочется написать вашему старому и уже теперь старинному другу!»⁴⁰

Эволюция отношения Сомова к Животовской особенно видна при знакомстве со всем блоком писем, адресованных художником Ratu. Писал их Константин Андреевич на русском и английском языках. Ответы Животовской, к сожалению, нам не известны. Уцелели ли они и где хранятся? Сохранилась ли переписка Сомовых — Константина Андреевича с Еленой Константиновной и Евгением Ивановичем? А их письма должны быть очень интересны.

Отметим, что никто из исследователей творчества Сомова ранее не проявлял интереса к Клеопатре Матвеевне Животовской, и это не удивительно: портрет ее не известен; местонахождение его не выявлено. Вполне вероятно, у современных владельцев он значится как «Портрет неизвестной». И все же хочется надеяться, что эта публикация поможет отыскать портрет русской американки — модели Сомова и корреспондента его писем. Прощаясь, художник написал ей: «Не хочу

и не буду забывать Вас, милых нью-йоркцев, в особ<енности> Вас, миленькая Рату, кот<орая> так очаровательно ко мне мила»⁴¹.

О встречах К.А. Сомова и К.М. Животовской во Франции в 1926 году

Эти сведения содержатся в письмах Константина Андреевича Сомова, адресованных не только Клеопатре Матвеевне Животовской, но и сестре художника Анне Андреевне Михайловой, с которой художник был всегда предельно откровенен и близок духовно.

Письма художника сестре, хранящиеся в Секторе рукописей Государственного Русского музея, как известно, вошли в книгу 1979 года⁴², однако интересующая нас информация осталась в тех фрагментах, которые оказались неопубликованными. Сведения, полученные из них и выстроенные по хронологии, позволили узнать о совместном времяпрепровождении Константина Андреевича и Клеопатры Матвеевны, понаблюдать за меняющимся отношением художника к Рату, но, самое главное, ближе познакомиться с обоими. Все вкуче, как представляется, добавило новые штрихи в их психологические портреты.

Итак, 5 апреля 1926 года Константин Андреевич писал сестре, что известная ей по прежним его письмам Рату вместе с мужем «едет на лето в Париж»⁴³, однако во Францию Животовские прибыли уже в начале мая. 8 мая Сомов спрашивал Клеопатру Матвеевну: «Когда мы видимся?» и тут же предлагал: «Не хотите ли вы завтра вместе обедать, часов в 8-м? Назначьте мне свидание, где вам удобнее, у вас в отеле, или где-нибудь в городе. Вчера вечером я сидел у Weber'a и мне казалось, что и Вы с мужем придете»⁴⁴.

Между тем необходимость общения с Рату вызывала в Сомове неприятное напряжение. Как бы оправдываясь, он писал сестре 30 мая: «Надо с ней немного повозиться, уж очень она была со мной мила в N<ew> Y<ork'e>. Приехала она с мужем и с беби 8 л<ет>, девочкой, довольно несносной. Там у меня с ней было нечто вроде романа <...>, и больше с ее стороны. Теперь я совершенно не в настроении продолжать эдак жить. Тем более роман этот был на глазок Елены и под ее подстрекательством. Втроем было забавно дурачиться <...>»⁴⁵.

Через неделю, как всегда отчитываясь перед сестрой о прожитых днях, Сомов писал, что свои именины — 3 июня — он не отмечал: о них никто не знал, кроме Рату, но с ней они отметили их «только на следующий день, 4-го, легким ужином с *coups de Champagne* в *cafe Weber*»⁴⁶.

Несмотря на то, что с Животовскими и, в частности, с Рату во Франции Сомову было скучно и неинтересно, художника подкупало ее внимание и доброе к нему отношение. Он признался сестре: «Мне было лень как-то с ней возиться, когда я ее еще не видел. Но она и ее муж были так очаровательно милы и серьезны со мной, что мне пришлось растаять. Пати радовалась, увидевши меня, как ребенок. А накануне нашего 1-го свидания, с извещением, что они уже здесь, она прислала мне букет роз. Надо ей сделать удовольствие, пригласив в Grandvilliers, ей, по-видимому, это очень хочется. Хочется познакомиться и с Мифемой (так в узком кругу называли М.Г. Лукьянова. — Е.Я.)»⁴⁷.

15 июня Сомов писал, что это знакомство состоялось: «<...> внешне было весело и оживленно. Но настоящего веселья не было. Миф<ема> нашла Рату милой, но незначительной»⁴⁸. В том же письме сестре Константин Андреевич признавался, что «много раз, насколько позволяла работа и усталость после нее — видался с Рату и ее мужем», но они по-прежнему казались ему «очень милы, но не очень интересны». «Рату

увяла за то <время>, что я ее не видал, и вид у нее больной»⁴⁹, — заметил он. Раньше же, вернувшись в Гранвилье, художник послал в Париж Виктору Тимофеевичу (вероятно, в продолжение какой-то беседы) «список интересных книг»⁵⁰.

Июль Животовские провели на юге Франции. 4 августа Сомов, находясь в Гранвилье, писал вернувшейся в Париж Клеопатре Матвеевне: «Моя дражайшая Пати! Счастлив узнать, что Вы возвратились в Париж! Я намерен быть там в понедельник, 9-го. Может быть, пообедаем вместе? Тогда назначьте мне время и отправьте Ваше письмо м-ру Гиршману — 27, rue Casimir Perier. Я найду его по приезде. Надеюсь, что Вы довольны своим путешествием и теперь вполне здоровы. Дошло ли до Вас мое письмо, отправленное в Ниццу? <...> Жду нашей встречи с возрастающим нетерпением. Ваш К.»⁵¹.

Одна из встреч произошла в Гранвилье в августе. Сомов пригласил не только Животовских, но и Гиршманов. Приехав в субботу, они пробыли там до понедельника. Мефодий Лукьянов писал: «Пати привезла пьяных вишен, а Вл<адимир> Ос<ипович> (Гиршман. — Е.Я.) — ананас для крющона, который испортили, положив туда земляничный компот, по совету Коко (К.А. Сомова. — Е.Я.), — и весь крющон пропал»⁵².

В том же письме, адресованном Анне Андреевне Михайловой, Мефодий Георгиевич изложил свое мнение о Животовских: «Пати и ее муж оказались совсем неинтересными людьми, без всякой изюминки, так что-то такое дю простое, молчаливое и к нашей компании мало подходящее, единственно, обожают Коко <К.А. Сомова. — Е.Я.>, а ему с ними скучно»⁵³.

Между тем Клеопатра Матвеевна осталась довольна приемом и, вернувшись в Париж из Гранвилье, отправила Мефодию и его другу Михаилу Кралину «в двух аппетитных деревянных ящичках» «шоколадные конфеты и дорогие леденцы». «От Voissier, это марка!» — восторженно приписал в письме друга Сомов и тут же, шутя, «пожаловался» сестре: «Т<ак> к<ак> это было прислано на их имя, меня обижают и отстраняют и иногда только после долгих моих клянчаний и Миф<еминых> отказов, она (Мифема. — Е.Я.) мне в руке выносит или шоколадку или леденец! Не подло разве? А знакомые-то мои»⁵⁴.

Дружеские отношения Pату и Сомова расширили круг их общих знакомых. Впоследствии Константин Андреевич будет вспоминать о них в своих письмах Клеопатре Матвеевне. Однако пока общение с Пати продолжало утомлять художника. Он вновь писал сестре: «Как Patty ни мила, ни проста, у меня с ней очень мало общего — только воспоминания о N<ew> Y<ork'e>, где она была придворной дамой Елены. Втроем нам было весело: Елена была зачинщицей всего, и отсутствие индивидуальности, некультурность и наивность Patty не имела значения»⁵⁵.

В обратный путь Pату намеревалась отправиться в сентябре. 31 августа Сомов сообщил сестре, что 14 сентября собирается быть в Париже, так как «обещал Изабелле Афанасьевне (Венгеровой. — Е.Я.) и Пати прийти повидать их перед отъездом» в N<ew> Y<ork>»⁵⁶. Спустя неделю он подтвердил свое намерение и, не преминув, добавил: «Эти свидания меня совсем не привлекают, но „noblesse oblige“! С Пати мне очень скучно, она чрезвычайно мила и добра, но совершенно неинтересна, необразованна и незанимательна»⁵⁷.

19 сентября, простившись с Клеопатрой Матвеевной, Константин Андреевич по обыкновению отчитался перед сестрой о том, «что делал и кого видел в Париже, где провел ровно неделю». Этот «отчет» весьма показателен, поскольку характеризует и Константина Андреевича, и Pату.

Сомов писал, что приехал в Париж «в субботу 11-го к часу дня». «К обеду поехал в пансион, где остановилась Пати со своей девочкой — муж ее уже 3 нед<ели> как уехал в N<ew> York. Хозяйка пансиона оказалась моей знакомой, т<ак> к<ак> я ее раз встретил в Америке, она тоже русская. Приятно по-домашнему кутили за небольшим круглым столом я, Пати с дочкой и один симпатичный молодой господин, друг Пати и Елены-Жени (Сомовых. — Е.Я.), но которого я раньше не знал. После обеда Пати мне демонстрировала все свои парижские покупки, платья, шляпки, роскошное белье, польты и другое. В 11 часов я поехал домой. Дома (у Гиришманов. — Е.Я.) совершенно пусто, т<ак> к<ак> вся семья <...> еще в отсуствии. На другой день к 11 ч<асам> утра поехал к черту на кулички на свидание с Изабеллой. Был у нее часа два. <...> От Беллы через весь город прокатился на tram'е к Пати, с ней позавтракал. А после она объявила, что везет нас, т<о> е<сть> меня и св<оего> америк<анского> друга (друг не в каком-нибудь дурном смысле!) на заказанном ею автомобиле в Versailles. Поездка была очень приятна, несмотря на воскресный день, когда в Versailles'и толпы народа, день был чудесный. Мы около двух часов гуляли по городу, смотрели боскеты и фонтаны (но они не били в этот раз), на воздухе между Vers<ailles> и Trianon'ом в ресторане пили вкусный чай с тостами и в 5 уехали в Париж опять той же красивой дорогой, через Париж, St. Cloud, через городок St. Cloud и через Булонский лес. Обедал я опять в пансионе Пати. <...> В этот же день у меня в 3 часа дня было назначено у дверей магазина <...> свидание с Пати. Мы провели в магазине около часа, и Пати покупала массу дребедени и для себя, и подарки, я ей помогал выбирать. И мне надо было купить подарки моим американцам: Ольге Лавровне — кружевное жабо, Жене — галстук, Елене — réticule. Потом с Пати пили кофе <...>. К 6-ти часам к черту на кулички, к Шуре Шишковой, где я должен был видеть платье, заказанное Еленой, и весь гардероб Пати, тоже очень удачный. <...> Расставшись с Пати, я поехал домой отдохнуть <...>»⁵⁸.

Перед расставанием Сомов купил Рату «чудных caramels assortis», подобных тем, которые она присылала ему в Гранвилье, а к семи часам поехал «в ее русский пансион обедать». «После обеда провожал ее к родным ее мужа на полчаса, где они должны были со всеми проститься. Пышная квартира, все сидели еще за обедом, роскошным, по-видимому, судя по его окончанию. Масса самодовольных евреев. Дядя и кузены ее мужа. С хозяйки написал портрет Сорин <...>. Потом я проводил Пати пешком, и мы трогательно расстались с поцелуями и заверениями в дружбе, любви и т<ак> д<алее>. Она чрезвычайно добра и мила и простодушна, настоящий человек, но, к сожалению, уж очень некультурный, хотя у нее и есть стремление образовать себя, читать и смотреть на хорошие вещи. На вид она симпатичная обезьянка. Женя ее так окрестил: мартышка. Но т<ак> к<ак> она хорошо сложена и молода, ей 30 лет, то <...> ничего, особенно, когда хорошо одета, что не всегда бывает, т<ак> к<ак> вкус ее в этом отношении не безукоризнен. Я ее не провожал на вокзал, т<ак> к<ак> ей негде в Cherbourg уходить в 8 ч<асов> утра»⁵⁹.

Вернувшись в Америку, Животовские некоторое время жили в Нью-Йорке. Из писем Елены Сомовой Константин Андреевич знал, как «самоотверженно» ухаживала Клеопатра Матвеевна за больной Ольгой Лавровной — матерью Евгения Ивановича, знал он и о тяжелом периоде, который пережила Рату в связи с болезнью ребенка. С годами Сомов все с большим нетерпением ждал писем от Рату. Одно из его писем ей завершалось словами: «не забывайте Вашего „Костеньку“»⁶⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Они хранятся в Государственном Русском музее, Государственной Третьяковской галерее, Одесском художественном музее, Музее Эшмолеан (Оксфорд), в коллекции Р. Герра (Франция), у потомков графа С.П. Зубова (Буэнос-Айрес) и других собраниях.
- 2 Константин Андреевич Сомов. Письма. Дневники. Суждения современников / Вступ. ст., сост., примеч. и летопись жизни и творчества К.А. Сомова Ю.Н. Подкопаевой и А.Н. Свешниковой. М., 1979.
- 3 РО ИРЛИ, р. I, оп. 8, № 38. Далее в цитируемых письмах из этого дела сноски на архив не приводятся.
- 4 Письма К. Сомова / Публ. писем К.А. Сомова к К.М. Животовской Аллы Кторовой. США. Вашингтон, 1990 // Художник. 1991. № 5. С. 61–63. Опубликованы письма от 22.04.1935 и 08.10.1937.
- 5 «Я все еще люблю жизнь...» (Письма К.А. Сомова К.М. Животовской) / Вступ. ст., публ. Т.С. Царьковой // Новый журнал. 1995. № 2. С. 125–134. Опубликованы письма от 25.06.1925, 10.03.1932, 18.04.1932, 22.04.1935, 28.10.1935, 10.01.1936, 18.06.1936.
- 6 Пока настоящая статья готовилась к изданию, ежегодник вышел в свет. См.: Письма К.А. Сомова к К.М. Животовской (1925–1938). Подготовка текстов, вступ. ст. Т.С. Царьковой, комментарии и биографич. справка Е.П. Яковлевой, перевод с англ. Е.А. Тереховой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. СПб., 2006. С. 455–528.
- 7 О Викторе Тимофеевиче Животовском, за которого Клеопатра Матвеевна вышла замуж «против воли родителей и своих, и мужа» (цит. по: Письмо К.А. Сомова А.А. Михайловой от 17 февраля 1925 года. СР ГРМ. Ф. 133. Д. 143. Л. 18), Константин Андреевич отзывался как о «симпатичном», «только очень молчаливом» человеке: «он еврей, но характер его совсем не еврейский, он легкомысленный и расточительный» (цит. по: Там же. Л. 14). Почти в каждом письме, адресованном Рату, Сомов передавал привет Виктору Тимофеевичу, а в письмах сестре сообщал о совместных с Сомовыми, Рахманиновыми и Животовскими поездках, музицировании, походах в театр, в том числе на спектакли Театра Никиты Балиева «Летучая мышь».
- 8 Ирине, дочери Клеопатры Матвеевны, на момент знакомства с Сомовым было пять-шесть лет. Повзрослев, она мечтала стать актрисой, однако попасть в дартингтонскую Школу-студию Михаила Чехова ей не удалось, и вместо актерской карьеры она «занялась совсем другим — изучением экономики» (цит. по: Письмо К.А. Сомова К.М. Животовской от 19 августа 1938 года). По фотографиям, посылаемым Клеопатрой Матвеевной Сомову, художник знал, что Ирина «высокого роста и хорошенькая». Об удачно сложившейся служебной карьере Ирины Животовской, ее замужестве и рождении сына — внука Клеопатры Матвеевны и Виктора Тимофеевича — известно из кратких посланий С.В. Рахманинова К.М. и В.Т. Животовским начала 1940-х годов.
- 9 «Выставка русского искусства» включала «все группы и все направления, за единственным исключением ультрамодернистов» (Константин Андреевич Сомов. С. 567). В ее состав вошло около 40 произведений Сомова — живопись, акварель, иллюстрации, фарфоровые композиции. В числе сопровождавших выставку были, по словам И.Э. Грабаря, «И.Д. Сытин, долголетний сотрудник Сытина, педагог И.И. Трояновский, однофамилец доктора Трояновского, С.А. Виноградов, художник, один из наиболее активных деятелей „Союза русских художников“, и, вместе с Трояновским, ближайший помощник Сытина по организации выставки, скульптор С.Т. Коненков, художник Ф.И. Захаров, К.А. Сомов, в качестве представителя интересов петроградцев, В.В. фон Мекк, в качестве знатока английского языка, <...> и я — всего восемь человек» (Грабарь И.Э. Моя жизнь: Автобиография. Этюды о художниках. М., 2001. С. 278). В январе 1924 года группа прибыла из Лондона в Нью-Йорк, где 8 марта в Grand Central Palace открылась выставка

(см.: The Russian Art Exhibition / Foreword by Christian Brinton. Introduction and catalogue by Igor Grabar. Grand Central Palace. New York, 1924). После завершения выставки в Нью-Йорке из экспонировавшихся произведений были сформированы две передвижные выставки — Южная и Северная, каждую из которых сопровождал свой каталог. Из сопровождавших выставку советских представителей на родину вернулись трое: Грабарь, Сытин и Трояновский. В Америке остались Коненков, Захаров и фон Мекк, «Сомов поехал в Париж <...>, Виноградов — в Ригу, где также осел» (*Грабарь И.Э. Моя жизнь*. С. 288).

- 10 Письмо К.А. Сомова А.А. Михайловой от 1 мая 1924 года // Константин Андреевич Сомов. С. 240.
- 11 Подробности — в приложении к настоящей статье «О встречах К.А. Сомова и К.М. Животовской во Франции в 1926 году».
- 12 Деревня Гранвилле находилась «в 2½ часах от Парижа, по дороге через Версаль» (Константин Андреевич Сомов. С. 277). В начале 1925 года там приобрел ферму Мефодий Георгиевич Лукьянов (1892–1932) — близкий друг Константина Андреевича с 1910 года.
- 13 Письмо К.А. Сомова А.А. Михайловой от 17 февраля 1925 года // Константин Андреевич Сомов. С. 267.
- 14 Письмо К.А. Сомова А.А. Михайловой от 8 марта 1925 года. СР ГРМ, ф. 133, д. 143, л. 30об., 31.
- 15 Письмо К.А. Сомова А.А. Михайловой от 17 февраля 1925 года. СР ГРМ, ф. 133, д. 143, д. 18.
- 16 Там же.
- 17 Дневник К.А. Сомова. Запись от 31 декабря 1924 года. СР ГРМ, ф.133, д. 424, л. 13.
- 18 Ныне портрет Е.К. Сомовой хранится в собрании Государственного Русского музея.
- 19 Письмо К.А. Сомова А.А. Михайловой от 5 июня 1925 года // Константин Андреевич Сомов. С. 278.
- 20 Генриетта Леопольдовна Гиршман (урожд. Леон) (1885–1970) — друг К.А. Сомова, жена Владимира Осиповича Гиршмана (1867–1936), эмигранта, в прошлом — московского фабриканта, мецената, коллекционера. С семьей Гиршман Сомов дружил в России и во Франции. Им принадлежали произведения художника, в том числе известный портрет Генриетты Леопольдовны (1915). Константин Андреевич неоднократно портретировал Генриетту Леопольдовну. В Париже В.О. Гиршман занимался устройством интерьеров в богатых домах. Ему и его родственнику Н.А. Ассу принадлежал антикварный магазин-салон на улице St. Нопогé, ставший своеобразным клубом русской эмиграции. В магазине устраивались художественные выставки, в том числе в июле 1924 года прошла выставка Сомова. В феврале 1929 года устройством выставок в магазине Гиршмана занялся Мефодий Георгиевич Лукьянов (1892–1932). В начале экономического кризиса рубежа 1920–1930-х годов магазин прекратил существование, Владимир Осипович заболел, а Генриетта Леопольдовна поступила работать сначала в книжный магазин, а потом в женский пансион-гимназию под Парижем.
- 21 Письмо К.А. Сомова К.М. Животовской от 25 июня 1925 года.
- 22 Письмо К.А. Сомова К.М. Животовской от 16 августа 1925 года (на англ. яз.). Перевод Е.А. Тереховой.
- 23 Kunst und Künstler. Jahrgang XXIV. Heft IV. 1926. Januar.
- 24 Письмо К.А. Сомова К.М. Животовской от 3 марта 1926 года (на англ. яз.). Перевод Е.А. Тереховой.
- 25 Письмо К.А. Сомова А.А. Михайловой от 9 апреля 1925 года // Константин Андреевич Сомов. С. 272.
- 26 См.: Palais des Beaux-Arts. Art russe ancien et moderne. Bruxelles, Inauguration des salles d'exposition. Mai-juin / Catalogue [Bruxelles, 1928]. Пользуясь случаем, благодарю Н.А. Авдюшеву-Лекомт за предоставленные сведения о продаже произведений К.А. Сомова с этой выставки.

- 27 Письмо К.А. Сомова К.М. Животовской от 8 июня 1928 года (на англ. яз.). Перевод Е.А. Тереховой.
- 28 Письмо К.А. Сомова К.М. Животовской от 21 марта 1937 года.
- 29 Письма К. Сомова. С. 61.
- 30 Письмо К.А. Сомова А.А. Михайловой от 28 мая 1924 года // Константин Андреевич Сомов. С. 242.
- 31 Письмо К.А. Сомова А.А. Михайловой от 2 октября 1924 года. СР ГРМ, ф. 133, д. 142, л. 1.
- 32 Там же.
- 33 Письмо К.А. Сомова А.А. Михайловой от 2 ноября 1924 года. СР ГРМ, ф. 133, д. 142, л. 12.
- 34 Письмо К.А. Сомова А.А. Михайловой от 28 января 1925 года // Константин Андреевич Сомов. С. 266.
- 35 Письмо К.А. Сомова А.А. Михайловой от 17 февраля 1925 года. СР ГРМ, ф. 133, д. 143, л. 18.
- 36 Письмо К.А. Сомова А.А. Михайловой от 1 февраля 1924 года // Константин Андреевич Сомов. С. 230.
- 37 Там же.
- 38 Письмо К.А. Сомова А.А. Михайловой от 1 мая 1924 года // Константин Андреевич Сомов. С. 240.
- 39 Письмо К.А. Сомова А.А. Михайловой от 2 октября 1924 года. Л. 2.
- 40 Письмо К.А. Сомова К.М. Животовской от 19 августа 1938 года.
- 41 Письмо К.А. Сомова К.М. Животовской от 1 июня 1925 года.
- 42 Константин Андреевич Сомов.
- 43 Письмо К.А. Сомова А.А. Михайловой от 5 апреля 1926 года. СР ГРМ, ф. 133, д. 151, л. 5.
- 44 Письмо К.А. Сомова К.М. Животовской от 8 мая 1926 года.
- 45 Письмо К.А. Сомова А.А. Михайловой от 30 мая 1926 года. СР ГРМ, ф. 133, д. 151, л. 20об.
- 46 Письмо К.А. Сомова А.А. Михайловой от 6 июня 1926 года. СР ГРМ, ф. 133, д. 151, л. 22.
- 47 Там же.
- 48 Письмо К.А. Сомова А.А. Михайловой от 15 июня 1926 года. СР ГРМ, ф. 133, д. 151, л. 25об.
- 49 Там же.
- 50 Письмо К.А. Сомова В.Т. Животовскому от 12 июня 1926 года.
- 51 Письмо К.А. Сомова К.М. Животовской от 4 августа 1926 года (на англ. яз.). Перевод Е.А. Тереховой.
- 52 Письмо М.Г. Лукьянова А.А. Михайловой от 17 августа 1926 года. СР ГРМ, ф. 133, д. 152, л. 22.
- 53 Там же.
- 54 Письмо К.А. Сомова А.А. Михайловой от 18 августа 1926 года. СР ГРМ, ф. 133, д. 152, л. 25об.
- 55 Там же. Л. 23.
- 56 Письмо К.А. Сомова А.А. Михайловой от 31 августа 1926 года. СР ГРМ, ф. 133, д. 152, л. 28об.
- 57 Письмо К.А. Сомова А.А. Михайловой от 6 сентября 1926 года. СР ГРМ, ф. 133, д. 153, л. 1об.
- 58 Письмо К.А. Сомова А.А. Михайловой от 19 сентября 1926 года. СР ГРМ, ф. 133, д. 153, л. 8, 8об, 9.
- 59 Там же.
- 60 Письмо К.А. Сомова К.М. Животовской от 8 июня 1928 года.